ЕльзаАрминовнаЗахарова

Часть 1.

УРОКИ ЖИЗНИ АННЫ НИКОЛАЕВНЫ*

Анна Николаевна Кожевникова (25.01.1919 – 25.08.1988). Преподаватель англ. яз. Томского госуниверситета. Долгое время её семья жила в Харбине, по возвращению (30 гг.) все родные были арестованы, отец расстрелян, мать – в тюрьме. А.Н. не могла никуда поступить. Прекрасно зная язык, (экстерном ?) закончила в Томске педагогический институт и была принята на каф.ин. яз под рук. Г.Н. Циванюк. Муж – Армин Максимович Вестингаузен, (?-?), из прибалт. немцев. Во время войны был в ссылке в Томск обл. Сын Николай Кожевников живет в Томске.

В 1960 я кончила химфак ТГУ, где нам английский с азов преподавала Анна Николаевна (А.Н.). Не желая расставаться с А.Н., на старших курсах я продолжала ходить в кружок английского с другими химиками: Инной Шпаер, Лёней и Инной Быстрых. Позже, уже будучи сотрудником университета, я снова вернулась к занятиям с А.Н. и с перерывами в течение 17 лет (!) не расставалась со своей учительницей. Это были незабываемые встречи - уроки и размышления.

Прежде всего, для меня открылась английская ПОЭЗИЯ, которую так любила и прекрасно комментировала А.Н. С тех пор Англия связана у меня прежде всего с именами Байрона, Шелли, Теннисона и темой моря (влажный ветер, паруса, крик чаек...). Особеннозапаливпамятьстихи «If» Киплинга, «You have no enemy, you say” (Ch. Mackay), “The man that has no music in himself” (W. Shakespeare)... Чтение прозы было скорее аналитическим занятием: А.Н. заставляла думать, отвечать на непростые вопросы. И тут выяснилось, как мало я читала и понимала родную русскую литературу! Обсуждали с А.Н. произведения Достоевского, Лескова, Булгакова, Платонова... До сих пор, прочитав взволновавшую меня книгу, думаю, что сказала бы по этому поводу А.Н. - так неординарны и глубоки были её суждения.

Уроки разговорного английского вскоре пригодились - бывая заграницей в туристических поездках, я с удивлением обнаружила, что меня понимают! Помню, что от радости даже дала благодарственную телеграмму А.Н. с борта теплохода в круизе вокруг Европы.

Но больше всего привлекало в А.Н. то, что она была совершенно не похожа на окружающих меня людей (типа «совков»)! Это была ЛИЧНОСТЬ - умная, цельная, внутренне свободная, правдивая... И в то же время поражали ее доброта, забота о больных друзьях, любовь к животным. Собаки всегда были в доме (дог Наль, лежавший смирно под столом на уроках, или шустрая дворняжка Габка, которую запирали в соседней комнате). Жалела даже мышек, оставляя им корочки! Уже позже я поняла, что это были качества русских интеллигентов, тип которых сформировался в России до революции. Она была верным другом. Всю жизнь любила и переписывалась с подругой харбинского детства «Адюшей» - Ариадной Николаевной Докукиной**. Адюша жила в Ленинграде, но периодически приезжала к А.Н., к взаимной радости. Конечно, и мы, ученики А.Н. (и даже наши

дети), полюбили Адюшу и, приезжая в Ленинград, останавливались у нее, помогали, как могли. Я переписывалась с ней до самой её смерти, любя её и вспоминая А.Н.

Когда мы познакомились ближе, мы узнали о трагическом прошлом А.Н: «тридцатые годы», арест родителей и многих родных, вернувшихся на родину из Харбина, расстрел отца, бедность, безработица, больная мать, сосланный муж... Конечно, это подорвало ее сердце, но А.Н. находила силы не падать духом. И более того - она старалась воспитать своих учеников достойными людьми. Я помню её рассказы о ежедневном подвиге тюремного доктора Ф.П. Гааза, о жизни А.А. Ахматовой в 1930–50-е годы, о хирурге-священнике В.Ф. Войно-Ясенецком, биологах Н.И. Вавилове и А.А. Любищеве. Она выписывала депонированные рукописи тогда мало известного еще Льва Гумилева, делала выписки из трудов философа П.А. Флоренского (его «Иконостас» опубликовал богословский журнал) и знакомила нас с ними. На свои более чем скромные средства купила толстый том «Столп и утверждение истины» (его же) и делилась с нами радостью от чтения. Многие отрывки из прочитанного она переписывала чётким красивым почерком в тетрадку и дарила ко дню рождения. Задолго до «перестройки» мы узнали от А.Н. ту правду, те оценки, которые позже, в 1990-е годы, стали известны всем по открытым публикациям. Тираны, палачи и трусы назывались своими именами. Помню, я похвалила писателя N., а А.Н. заметила с огорчением, что в годы террора он отказался от своего брата, который попал в сталинские застенки. Её мама сидела в тюрьмах вместе с жёнами известных политических деятелей. Это были страшные, непридуманные рассказы, открывавшие глаза на демагогию нашей советской жизни (мы же гордо распевали:«Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!»).

В жизни А.Н. была исключительно скромным, неприхотливым человеком: минимум материальных благ компенсировался силой духа и интеллектуальным богатством. Она горячо любила своего отца, мужа и сына, и то, что эта любовь была взаимной, считала главным счастьем в жизни. Портрет мужа, Армина Максимовича Вестингаузена всегда стоял на её письменном столе. Из его белой эмалированной кружки, почерневшей внутри от крепкого чая, она всегда прихлёбывала чай во время урока.

Запомнились некоторые её рассуждения о жизни. «Живите со своими родителями! Я вспоминаю это время как самое счастливое!». О войне. «Голод и холод мы переживём. Только б не послали наших сыновей убивать!». «Что важнее в человеке: ум или доброта?» (С годами она склонялась ко второму). Все семейные проблемы обсуждали с А.Н. и не боялись получить порой мягкое осуждение. Дорог*а* была правда. А.Н. была всегда занята: чтением, письмами, перепечаткой понравившихся текстов, вязанием. Мечтала изучить древнегреческий, чтобы читать в оригинале Библию. Глубокая религиозность уживались в ней с тонким юмором. На уроки А.Н. я всегда бежала, как на Остров Радости среди океана забот-тревог-проблем. (А.Н. встречала с улыбкой:«*Бегим-бегим, а ноги все позаде*!», – вспоминая китайскую приговорку, слышанную в Харбине). Это были мудрые Уроки жизни и счастливое время познания.

---

*Воспоминания были написаны для сб. Воспоминаний каф.ин. языка сначала к юбилею АН (2005 г), но не были изданы, потом снова собирали к Воспоминаниям вообще о кафедре в 2012г.

И опять еще не изданы.

**(Я написала воспоминания о ней в очерке «Адюша».

Часть 2.

Из писем Ариадны Николаевны Докукиной (С-Пб) к Эльзе Арминовне Захаровой (Томск) 1994-1999 гг

Ариадна Николаевна (Ар.Н.) была самой близкой и преданной подругой Анны Николаевны, с которой они провели детство в Харбине. (Толя Филимошкин может вспомнить ее биографию.Адюша написала статью в газету российских харбинцев «На сопках Манчжурии», где описала свое детство, но я не помню, читала ли). В 30-е годы их семьи вернулись в СССР, где все взрослые попали в тюрьмы. Молодые Аня и Адя мыкались по родственникам. Потом Ар.Н. оказалась в Ленинграде. Во время войны Ар.Н. жила в семье А.Н., помогая по дому. Своей семьи у нее не было. Работала в фотоателье в доме офицеров ретушером. Вернувшись в Ленинград, Ар.Н. поселилась в коммунальной квартире в малюсенькой комнатушке с собачкой -болонкой Бимом. И через нее проходили «толпы» родных и знакомых. Затем Адюша поменяла комнату на Щорса на комнату на ул. О. Форш, в доме дочери подруги Илики (Лиды), где она и умерла после инсульта 30/31 октября 1999 г, на 81-м году жизни. Я с ней была знакома через А.Н. Когда Ар.Н. приезжала в Томск,, мы старались свозить наших «старушек» в окрестности (на машине с В.И. Кулешовым) или пригласить в гости ко мне, к Люсе Шарыгиной, Свете Цветницкой. (У Филимошкиных она жила, как у родных, ездила на дачу и т.д.). Она потом вспоминала об этом в письмах. А.Н. переписывалась с Адюшей или ежедневно, или через день И вот в 1988 г, когда А.Н. не стало, Адюша стала писать друзьям А.Н. Переписывалась с ней и я в 94-99 гг. В эти годы Оля была на стажировке в Л-де, забегала к Адюше, а потом уехала в Швецию в 1993 г и, очевидно, писала или заезжала к ней по пути в Томск и т.д.

У меня сохранилось 1,5 десятка Адюшиных писем - к сожалению, в период ее болезней и немощей. Жаль, что я не догадалась просить ее писать воспоминания о ней и А.Н. Отдельные факты, воспоминания, связанные с А.Н. и с обликом Адюши, я попыталась перепечатать.

11.02.94.

Здравствуйте, милая Эльзочка!

Большое спасибо за Ваши подарки, которые мне понравились, но я не смогла вовремя поблагодарить Вас, т.к. со мной случилась беда. По дороге в церковь я упала и сломала самое плохое место - шейку бедра...Лидия Федоровна, соседка поддерживала меня, а мимо проходившая в церковь старушка побежала вызывать скорую помощь...Скорая отвезла меня в больницу. На железной каталке я пролежала с голыми ногами в холодном коридоре часа 3 и заработала пневмонию. Теперь я дома. Пневмония кончилась. Меня не покидают мои верные друзья...Часто приходит и очень помогает мне Любовь Андреевна*. Она организовала мой переезд из больницы и установила телефон ко мне в комнату. В больнице все удивлялись, что родственники так часто не ходят, как ко мне чужие,

но не чужие, а друзья...За что Бог так милостлив ко мне? Я не заслужила такой заботы и внимания. Я всех люблю, всем благодарна. Очень люблю Любовь Андреевну. Но больше не смогу помогать ей с Гердиком. Может быть буду калекой. На все воля Божия.

Пишите. Ваша Адя.

Примечание:

*Любовь Андреевна Зражевская, быв. томичка, познакомилась с Ар.Ник на почве обмена комнат в Томск и Ленинграде. Потом подружилась с ней и во время командировок оставляла свою собачку Гердика у Адюши

18.03.94.

Здравствуйте, милая Эльзочка!

Спасибо за письмо. Одновременно с Вашим пришло письмо от Толика. И Вы, и Толик, это ниточка, связывающая меня с Нюсей....Так и слышу ее голос, говорящий нежно и ласково: «Эльза Стромберг.... Толя Филимошкин...». И я, еще не зная Вас, симпатизировала Вам. **И, видимо, я тоже ниточка, связывающая Вас с памятью о ней.**

Я очень огорчилась известием о смерти Н. Ильиной. Я любила ее как писателя, как землячку. Я все собиралась написать ей, да так и не написала...Если Вам попадется что-нибудь Ильиной, пришлите мне, пожалуйста. У меня есть только «Возвращение» и «Дорога», последняя подаренная Вами. Я все еще лежу... Иногда с помощью кого-нибудь из благодетелей сижу...Иногда бывает «застолье». Приходит Люба с Гердиком, с бутылкой шампанского, с колбасой или сосисками. Моя опекунша, Алла Илларионовна (она приготовляет пищу и кормит меня утром и вечером) приносит вареники с творогом или картошкой, жарит пельмени. Приходит дочка Оля и Лидия Федоровна (соседка) и начинается пир. К сожалению, я не могу принять участие в беседе, поэтому не слышу, что говорится за столом. Я почти совсем оглохла. Иногда ко мне из-за стола обращаются по поводу моего молчания: «Мы Вас не слышим»». Я отвечаю: «Мы вас тоже не слышим!»... Бог очень милостлив ко мне и посылает на мой путь добрых людей. А самое главное, он послал на мой путь **НЮСЮ. Ведь таких людей больше на свете нет!** Я очень рада за Оленьку, что она вырвалась из нашего ада... Я так и не привыкла к Советскому Союзу, и уклад «той» жизни мне более близок....

25.04.94.

Христос Воскресе!

Здравствуйте, милая моя Эльзочка! Поздравляю с праздником Воскресения Христова! Очень была рада Вашему письму и Пасхальной открыточке. Спасибо! Я люблю Ваши письма. Приятный и милый моему сердцу интеллигентный мир. Игра в 4 руки! Как все это далеко от меня. Я вспомнила приятный вечер, проведенный с Нюсенькой у Вашей подруги.* Как вы играли нам в 4 руки, муж подруги Вашей аккомпанировал на каком-то музыкальном инструменте [2]*. Получила письмо от Оленьки с фотокарточкой (во весь рост в театральном зале) и пасхальной открыточкой. Письмо с воли! Письмо перечитываю несколько раз. Тот мир мне ближе нашего. Несмотря на то, что почти вся жизнь прожита здесь, я не полюбила Советский Союз, а он им остался, несмотря на смену названия. Все мне здесь чужое, все ненавистное. Только церковь наша русская хороша. И русские добрые люди. Доброты много, несмотря на хамство и бескультурье...Я все так же лежу

бревном .Наступило небольшое улучшение, как мне кажется, после получения бандероли от о. Геннадия из Енисейска...В бандероли была икона Владимирской Богородицы, освященная о. Геннадием, две книги религиозного содержания...

Все время тоскую о Нюсе. Боль не проходит. Жалею, что не поменялась на Томск. Я не люблю Ленинград. И так ужасны коммунальные квартиры. Порадовалась письму от Толика и от Классен. Это, как от Нюси. Будто Нюся завещала своих друзей. Вас и Толика.

Примечание.

*Света Цветницкая

2*Алексей Петров играл на электрическойорганоле.

9.10.94

...Как вы все поживаете? Что творится в Томске? Очень бы хотелось увидеть Томск. Но это уже недоступно. У меня небольшие сдвиги есть. После 6-месячного лежания я медленно стала подниматься и передвигаться. Сейчас ползаю со стулом. Качу перед собой, как финские сани. На стул ставлю посуду, кастрюли. В кухне готовлю обед. Из кухни обратно на стуле качу обед и чайник в комнату. После обеда грязную посуду везу в кухню. Мою в раковине...Пенсии теперь не хватает. Мне должны дать 1 группу инвалидности, но почему-то затянулось это дело. 1-й группе будто бы доплачивают 10 тыс. на оплату услуг. Конечно, теперь это мизер. 2 раза сходить в магазин. Кто мог думать, что «перестройка» выльется в такой кошмар...

25.12.95

...Поздравляю Вас и всю Вашу семью с Новым годом и Рождеством Христовым! Я не писала никому, потому что переживала «смутное время», да оно и сейчас не кончилось. На душе очень тяжело и хорошо, что смерть не страшна и хоть сейчас готова умереть. Небольшое утешение - книги. Перечитываю старые книги одним глазом. Наталью Ильину зачитала до дыр, потому что кроме Харбина, ничего в жизни приятного у меня нет...Я давно уже выписана из своей комнаты, но был тройной обмен и комнаты еще не свободны. В результате соседка моя по квартире Таня с милицией меня выгнала, и Анюта на такси привезла к ним на квартиру... Вещи мои закрыты в комнате на пр. Щорса и когда все завершится, не знаю . Болит душа о Любе.* Все время принимаю «нозепам» и «тазепам», загоняя боль внутрь... С болью вспоминаю Нюсеньку и всех благородных людей, которые меня раньше окружали. У меня такая сильная депрессия, что я близка к самоубийству. Как о чем-то светлом вспоминаю Томск и ненавижу Ленинград. Пишите. Ваша Адя.

Прримечание:

*Обмен должен произойти с Любой, но Аня уговорила Ар.Н. , чтоб с ней.

5.09.96

...Пишу вторично с большой просьбой и поручением...Я получила письмо от Н. она пишет , что А. видел Колю Кожевникова в ужасном состоянии... Я очень прошу сходить к ним домой и отнести немного продуктов: кусочек хлеба, немного крупы, немного сахара. Я знаю, что вам очень некогда, но на доброе дело, на «спасение утопающего» надо найти время. Я написала Толику и напишу такое же

письмо Классенам... Если сходите, напишите мне, пожалуйста, чем болен Коля, лежит ли он в больнице и как там дела. Живы ли собаки. Я последнее время очень о Коле беспокоилась и молилась о них со слезами, Я перестала им писать, потому что они не отвечают...

20.10.96

Спасибо за письмо. С удовольствием читала, и будто побывала в Швеции. Рада за Вас и за Олю, что она вырвалась за пределы нашего варварского государства и живет в такой красоте, в интеллигентной стране. (Я описала, как там обращаются с инвалидами.Э.З.) А я, живя в .-Петербурге, не могу сесть в трамвай или в автобус потому что ноги не поднимаются до высоты ступеньки...Скоро откроется церковь на расстоянии 2-х трамвайных остановок от дома, в котором я живу. М.б. мне поможет сходить моя новая знакомая Любовь Григорьевна. Это друг Филимошкиных, бывшая ученица и поклонница моей Нюсеньки. Она очень добрый человек. ... Мой дом не богат гостями. Я теперь живу так далеко от центра, что все мои друзья очень редко приезжают ко мне... Письмо от Толика получила, так что все о Коле знаю и горюю...И действительно помочь никто не может.

Перечитываю все старое. В тысячный раз перечитываю Ильину и как будто попадаю в Харбин, иду по его улицам, слышу запах жарящихся в жаровне каштанов и слышу крик китайца: «Старовещипай!.» К этому обычно прохожие добавляли « А новые карапчи!». Что на харбинско-русско-китайском жаргоне означало: «Старые вещи покупаю, а новые краду». Действительно, старьевщики были не чисты на руку. У моей крестной тети Вари старьевщик украл сушившийся на заборе ковер. И все же это было лучше, чем Россия. Харбин с его безработицей, хунхузами (разбойниками, промышлявшими похищением людей), дребезжащими автобусами, все это было лучше России, страны, в которой никогда не будет порядка и спокойной жизни. На этой печальной ноте заканчиваю...

26.12.96

С новым годом, милая Эльзочка!...Как вы живете? Как поживает Оленька в далеком и неведомом мне Стокгольме? Мне кажется, что это на краю света. Я совершенно забыла географию. А ей наверное кажется, что на краю света мы. На пр..Щорса я ездила на 7 ноября. Эту поездку организовала Любовь Андреевна....Л.Г. дотащила меня до такси,... и я покатила. Мой дом стоит на том же месте. Все тот же серый, облупившийся, с полуразрушенными колоннами, с покосившимся крыльцом, но такой милый, такой любимый. Все так же несутся трамваи мимо него, все так же спешат пешеходы и пробегают собаки. Только я, увы! В нем не живу. Лидия Фед. Встретила меня с распростертыми объятиями Вскоре пришла Люба с шампанским, шоколадными конфетами, копченой колбасой и помидорами. Я тоже привезла помидоры и сосиски, Лид.Фед наварила картошки ... и пробка в потолок, и мы загудели! Как было хорошо с любимыми людьми в любимом доме. В нем чувствуется жизнь...На О. Форш потянулись однообразной чередой мои серые одинокие будни. Изредка Оля (бывшая соседка по лестничной площадке на Щорса 1Б) приводит ко мне священника для моего Причасти и освящения комнаты. Иногда приходит ко мне Любовь Григорьевна с дарами и мы тихо бесмедуем, вспоминая Томск, Анну Николаевну, Филимошкиных...Иногда Оля с моей пенсии покупает мне что-нибудь из книг. Сейчас купила на новогодние

праздники и привезет что-то из воспоминаний Ариадны Эфрон. Так проходит моя жизнь. Видите ли Колю Кожевникова? Передайте поклон всем членам Вашей семьи, а Оленьке задушевный поцелуй. Обнимаю Пишите. Ваша А.Н.

6.03.97.

...За окном начинается весна. По приметам дело решит 14.03 - день Св. Евдокии и Антонины. В этот день, если курочка из лужицы напьется, то вЕгорьев день (кажется 6 мая) баранчик травы поест. У нас уже и сейчас напиться можно - кругом лужи. Как-то в далеком и милом Томске? Для меня Томск чем-то вроде Харбина делается. Он весь овеян приятными воспоминаниями. Мое пребывание у Нюси, походы к Вам, поездки на Филимошкинскую дачу... Все это согрето добрым и внимательным отношением ко мне. Так хочется душевного тепла....Сейчас у меня еще одна потеря - умерла любимая мной Любовь Федоровна. Мой верный друг во всех бедах моих. Я еще больше осиротела. Было и утешение. Это благодаря Вам. Недавно ко мне пришла харбинка с поручением из Новосибирска доставки мне 3-х номеров газеты «На сопках Маньчжурии», издающейся в Новосибирске. Видимо, ваша сокурсница принимает участие в издании газеты. В газете написано, что издают газету не опытные журналисты, а химик, механик и медик. Харбинка - Маргарита Анатольевна просидела у меня целый вечер, который был наполнен воспоминаниями о Харбине.. Здесь в Ленинграде живут ее 2 соученицы по Харбинской школе, они очень дружны. В Ленинграде живет кажется 90 харбинцев. Они устраивают коллективные встречи. Но все это не мои современники. Они моложе меня более, чем на 10 лет. И приехали все в 50- годах в Советский Союз. Мне предложили написать в газету свои воспоминания о Харбине. Я написала и попросила редактора Петренко ответить мне, как подписаться на газету « На сопках М.». Она выходит 1 раз в месяц. Вся она заполнена воспоминаниями харбинцев о Харбине. Многие разыскивают соучеников, своих современников харбинцев. Они разъехались по всему миру. В газете есть заметки из Австралии, из США и других стран. Я встретила 3 знакомых фамилии по первому классу. Об этом и написала. Спасибо Вам, Эльзочка...

Эльзочка! Напишите мне про Оленьку. Какие впечатления от поездки в Израиль? Как обстоит дело с работой? Я часто вспоминаю ее приходы ко мне, вкусные чаепития, поездку на могилу Ахматовой. Как все раньше было хорошо! Как плохо быть старым и немощным. Когда будет свободная минута, напишите мне письмецо. Я люблю Ваши письма. От них делается радостно.

11.04.97

Христос Воскресе!

Вовремя на Ваше письмо не ответила, так как болела. Был грипп, а потом умудрилась упасть в своей комнате и сломать правую руку....Радуюсь за Вас, что повидали Олю и что интересно живете...Оля (дочь соседки) покупает мне иногда книги. Купила несколько книг Лидии Чарской. Я покупаю эти книги как воспоминание о детстве. Мы с Нюсей увлекались этими книгами. Нюся раньше меня охладела к Чарской. А я могла вперемешку читать и Чарскую, и Гоголя , и Пушкина и все с одинаковым восторгом. Оля мне купила Ивана Шмелева «Светлая страница». Я полюбила Шмелева по книге «Лето Господне» и «Старый Валаам», которую подарил мне Ваш знакомый Слава Князев. Видите ли вы его?.. Я очень

одряхлела за этот год. Ходить стала хуже. Сильнее искривился позвоночник. Я согнута пополам и вбок. Я очень тоскую о Нюсеньке. Все больше и больше. « И, как вино, печаль минувших дней в душе моей чем старе, тем сильней». Перечитываю ее тетрадочки с переводом «Большой большой мир»...

3.09.97

Давно не получала и давно Вам не писала. Где Вы? В Томске, Швеции, Москве или еще где-нибудь? Я почти не получаю писем и никто ко мне не приходит. Я напоминаю себе Бима в предсмертный год его жизни. В молодости он был необщительным и всех псов, пытавшихся завязать с ним знакомство, отпугивал рычанием. А в старости, в последний год его жизни, его потянуло к общению, к дружбе с собаками, но все псы от него убегали, никто с ним не общался. Может быть от него уже пахло смертью. Так видимо и со мной Я потеряла всякий интерес для людей.

Иногда в 2 месяца 1 раз ко мне надолго заходит новая знакомая харбинка, Маргарита Анатольевна и приносит мне 2 газеты, издающиеся в Новосибирске любителями. Мне кажется, в их число входит и Ваша знакомая и с вашей легкой руки я получаю бесплатные газеты и меня изредка посещают...В одной из газет поместили мою статью. Так что мое творчество появилось в печати. Привет Томску...

22.10.97.

...Собралась сразу ответить, и заболела... А на другой день приехал Толя Филимошкин на 3 дня. Остановился у друзей Гуршевых, старых друзей еще по томскому университету. Люба - Мира, подруга Вики, принимала участие в «толпе» (выражение Толика), приходившей к Анне Николаевне еще на нахимовском, петь песни и распивать чаи. Толик пришел с утра, в день своего приезда, чтобы забрать меня к Гуршевым на 3 дня....Я, сжав зубы, поплелась, ухватившись за Толика и не жалею об этом. Давно мне не было так хорошо,, как у Гуршевых. Столько было внимания и ласки. Все делалось для моего удобства. И высокие сиденья, и высокое лежанье, чтобы легче вставать. И к столу подавалось мое любимое пиво, так что появлялся аппетит, исчезнувший во время болезни... Толик почти не изменился. Все тот же очаровательный, остроумный, веселый и такой простой. Мне с ним всегда было так хорошо, и уютно, как в старом халате и удобных тапочках. 3 дня пролетели незаметно. По моей просьбе пригласили мою любимую Любовь Андреевну, «Любу Гердикову». Она пришла в день отъезда Толика с угощением: арбуз, шампанское и вино «Мадера». Мы попировали за обедом, а потом пошли провожать меня домой....

Маргарита Анатольевна принесла мне чудные книги.: «Политехник», издающийся в Австралии и роман Левана Ханндрава (?) «Отчий дом» и «Очарованная даль». Я все время перечитываю все эти книги. Левана Ханндрова я знала в детстве. Мы встречались на курорте Барим под Харбиным. Мне было 10 лет, а ему лет 15, и я была в него влюблена, конечно, без взаимности...

92.12.97.

Здравствуйте, милая моя Эльзочка! Очень, очень Вам благодарна! Получила Ильину, письмо и деньги. Я в этот день во время молитвы просила Богородицу послать мне радость. Ведь так нужна радость человеку, особенно одинокому,

больному и старому. Я просила от звонке по телефону, чтоб кто-нибудь позвонил, чтоб Анюта зашла ко мне в комнату и сказала что-нибудь приветливое И вдруг извещение на бандероль! И вдруг книга Ильиной, письмо и деньги!!! Это уже из радостей радость!. Я поцеловала книгу и письмо. И так благодарила Богородицу, подарившую мне эту радость. Спасибо, Эльзочка, за Вашу доброту и заботу обо мне. Я только огорчилась тем, что издание книги старое. Значит вы прислали из своей библиотеки, оторвав от себя. Книгу «Харбин» Вы купили в Новосибирске, это уж не из ваших запасов. Это легче принять. Но это такая прелесть эта «книга «Дороги и судьбы»! Читаю с наслаждением и книга скрашивает мне суровые зимние дни моей жизни. Кое-что мне знакомо, кое-что читаю вновь. Вы дарили мне «Дороги» Ильиной, кот. Я очень любила и все время перечитывала. Но эту книгу «зачитали» и она безвозвратно исчезла с моей полки. И в этой книге «Дороги и судьбы» есть кусочки из тех «Дорог», чему я очень рада. Пропажа как бы вернулась ко мне. Мне сейчас ничего не надо, кроме книг. Вещи уже не нужны и угнетают меня. Обилие белья превратилось в кучу грязного белья, на стирку которого нет сил, а прачечная не по карману. К одежде я стала совершенно равно душна. Нужно только 2 платья - летнее и зимнее (они у меня есть) 2 халата - летний и зимний(тоже есть) и больше ничего не нужно. Но так нужно внимание людей и ласка. Как маленькому ребенку.

Также по молитве была радость - звонок по телефону и милый голос Толи Филимошкина. . Я знаю, что это очень дорого, а они материально стеснены. Тем дороже для меня этот минутный разговор...

Рада за Вас, что хоть изредка бываете в театре. А за Олю вдвойне, что каждые 2 недели бывает в Стокгольме и в театре. Там другая жизнь. Тяжелее нашей жизни нигде нет. Даже при коммунистах мне кажется легче жилось. Может быть потому, что молодость была. Я с умилением смотрю по ТВ передачу «Старая квартира» Это передача о прошлом. В зале сидят пожилые люди. Вспоминают прошлое. Кто-нибудь их популярных певцов споют популярные в то время песни. Многие подпевают И встает перед глазами давно ушедшая молодость Теперь молодостью кажется даже сороколетие. Полет Гагарина и взволнованное шествие по Ленинскому проспекту в Томске мимо Дома Офицеров, в кот.я работала. Да, все прошлое в розовом свете...

14.04.98

Христос Воскресе!

Всем желаю здоровья. У меня все без перемен...Священник на дом приходил причастить меня. Это вот была радость. А в остальном тоска. Вспоминаю Томск и мои приезды к Анне Николаевне. Я любила приходить к Вам. Столько было радостного и интересного Я люблю Томск. Так бы пошла по его улицам. Спустилась бы от почты вниз по лестнице. И вышла бы на набережную Ушайки. Зашла бы в центральный универмаг, а потом в книжный магазин. Завернула бы на пионерский пер., где жила моя приятельница Зина, кот.наверное нет в живых. Она была старше меня. И я подхожу к концу. Мне скоро 80. Это предел. В этом возрасте из ума выживают... Оленьке в письме привет Я ее недавно видела во сне. Как она живет в ином мире? Обнимаю и целую. Ваша Адя.

17.12.98.

...Перечитываю старые книги. Иногда получаю письма от харбинцев, переписка с которыми началась после моей заметки в газете «На сопках М.». Я написала воспоминания о первом классе и просила откликнуться тех, кто помнит меня. Откликнулись трое: 2 моих бывших соученика и женщина, вернее старушка, моложе меня, которая училась в той же школе, что и я, но попозже меня. С ней я до сих пор переписываюсь. Она живет в Крыму. Из соучеников один скоропостижно скончался. А со второй, живущей в Ростове-на-Дону пока переписываемся. Газеты «На сопках М.» мне изредка приносит харбинка, приехавшая из Харбина гораздо позже меня по зову «на целину». Я думаю, что я получаю газеты благодаря Вашей знакомой Ирине Владимировне, которой я так и не ответила на письмо. Хочу сделать это сейчас и поблагодарить ее за письмо, за все....

31.07.98.

Здравствуйте, милая Эльзочка! Спасибо за письмо. Это еще , слава богу, не юбилей. До юбилея надеюсь не дожить. Смерть страшна неизвестностью. А вдруг еще хуже будет? По этому поводу пишет Ариадна Эфрон. Что-то вроде того, что неужели недостаточно земных мучений? Мой день рождения прошел на даче. Это был очень тяжелый день...Начался ураган... Володя на руках затащил меня в дом. С тех пор я почти все время болела. Был спазм мозговых сосудов с обмороком.... Я получила поздравление от Оленьки и 20 долларов были вложены в письмо. Спасибо ей за щедрый подарок. Я удивляюсь, как могли дойти в письме деньги? Почта прохлопала...Я рада за Оленьку, что она живет в Швеции. Как хорошо жить в окружении доброжелательных людей. У нас такие люди почти перевелись. В Петербурге царит атмосфера холодности и недружелюбия. Что может быть хуже? Лучше бы продуктов не было. Мне очень не хватает внимания и тепла. Передайте Оленьке мою благодарность и горячий привет. Напишите, что я за нее радуюсь. И вижу, как в кино, как Оленька идет белой северной ночью по красивому спящему городу и ничего не боится. Кругом дружелюбие и культура. Я всегда мечтала о такой жизни. Мне кажется, что что-то такое где-то в 60-х годах пробуждалось. Это были мои последние годы жизни в Томске. Помню, что часто кто-то из прохожих помогал мне нести тяжелую сумку с картошкой, которая продавалась на рынке ведрами. И когда я приехала а Л-град, город был переполнен дружелюбными и культурными людьми. Но с «перестройкой» все перестроилось в худшую сторону...

28.09.99

Здравствуйте, милая Эльзочка! Низкий вам поклон и спасибо за деньги. Я наивный мечтатель. Аня говорит: «У тебя маразм». Конечно, больница не может стоить 200 руб, а 2000 в месяц. Я размечталась, что на это 500 руб попрошу купить питания: сыру, колбасы, хлеба, печения. Аня сказала: «Эти деньги пойдут на памперс». 100 руб останется. Я попрошу купить сыра, хлеба, печенья. Я голодная, как во время войны. Это от истощения. М.б. рак, м.б. от паралича. Никто ко мне не приходит...О. Виктор поговорит с настоятелем храма. Может быть вырешит направление в больницу. Это было бы счастье, побыть месяц среди верующих. При больнице церковь. Главный врач - священник. Сегодня еще счастье - позвонил по телефону Толик Филимошкин... Аня много для меня делает. По утрам санобработка мучительная для меня. Кормление завтраком, обедом. Подметание пола. Перестилание постели. Памперсы часто не выдерживают, и я плаваю и лежу в мокроте. Памперс рассчитан на полсуток, а я лежу в нем сутки. Ограничиваю

себя в питье...Хорошо, что вы послали деньги телеграфом. Почтовые переводы долго лежат на почте. Нет денег. Возвращают обратно. Еще раз спасибо. Анна Николаевна радуется на том свете. Всем поклон. Обнимаю и молюсь о всей семье. Пишите. Ваша Адя.

9 октября (99 года)

...Спасибо за помощь. Вчера видела во сне собак и подумала. Это друг. Будет от Эльзы письмо и бандероль. И действительно. Вскоре пришла бандероль, а вчера вечером письмо от Классен... Прошу вас не презирайте Колю, а пожалейте его. Он был любимым сыном А.Н. и А.М. и хорошим сыном. Он преданно ухаживал за больной матерью. У А.Н. есть стихотворение «Малыш». Она пишет о счастье первого толчка в животе и как Арм. Макс. слушал эти толчки, прижав ухо к животу А.Н., и они были счастливы. Почему он не работает, а «собирает дань»? Бог ему судья. Мне кажется, ему нелегко это, но иначе не прожить. Нет специальности. Нет здоровья. А быть зависимым, это очень тяжело. Мне тоже сейчас приходится побираться. Лучше подавать, чем просить. Я тоже когда-то подавала, и как это было радостно. А теперь радуюсь подаче. Ваш перевод ушел на памперсы и это было большое подспорье. Аня меняла раз в сутки, а положено полсуток...А после вашего перевода Аня стала мне менять 2 раза в сутки и я лежала в сухости.... В питье себя ограничиваю. Чаю хочется попить, не пью. Слава Богу, есть не хочу. Последняя получка перевода от Вас и Толика, Аня говорит - на больницу. Аня говорит, что в ноябре мне от церкви должны дать направление в больницу бесплатно на месяц. А там скопятся мои пенсии за 2 месяца и эти 500 руб и будет 2000 руб плата за месяц и я пролежу 2 месяца в больнице. Не знаю, что получится. Аня говорит, эти 500 руб - или памперс покупать или на больницу оставлять?. Если купить памперсы, можно менять 2 раза в сутки и быть в сухости...Обо всех Вас молюсь. Обнимаю. Благодарю. Ваша Адя.

P.S. На мои просьбы Аня на Ваши деньги купила печенья, пакет кефира и сыр. Кефиром я понаслаждалась 1,5 дня. Это теперь роскошь. Сыр Аня дает каждое утро к чаю, который пью ограничено. Печенья много. Это моя выручка. Страдаю от зуда От него одно лекарство - молитва. Это очень мучительно, хуже боли....Молюсь со слезами, постепенно утихнет...Сегодня обещала прийти Любовь Григорьевна. Я просила конвертов принести. Ани целый день нет дома, не знаю, как она попадет. Я целый день одна. Если, не дай Бог, пожар, то гори месте с домом. Слава богу, есть не хочу.хоть это страдание отпало...

от 20.10.99(Дата по конверту предпоследнего письма.)

Числа не знаю.

Здравствуйте, милая Эльзочка!

Простите, я замучила Вас письмами. Старческая потребность поговорить, а общаться не с кем...Большая просьба: пришлите мне без письма в конверте несколько конвертов. Мне просто хочется поговорить, а говорить не с кем. Любовь Гр. Приходила вечером и принесла 3 конверта и деликатесное угощение. А мне с моим истощением порубать бы черного хлеба с соленым огурцом, да щей с мясом. Аня кормит меня хорошо, но мне с моим истощением этого мало. Я всю жизнь

страдаю от голода, потому что у меня был большой аппетит, чревоугодие и объедение без сытости. Это большой грех. А сейчас приходится ограничивать себя в питье из-за памперсов. А хочется попить чаю вволю.

Вспоминаю, как пили чай в Харбине из самовара. Раннее детство мое. У меня фаянсовая толстая чашка кремового цвета. На ней рисунок - гном в красном колпаке убегает от шмеля. Чай с молоком и бублик подогретый на комфорке самовара до хруста, с маслом. Самовар поет свою песенку, папа с мамой беседуют, а я мечтаю о книге, остановленной на самом интересном месте. «Дети капитана Гранта». Стук в дверь. Кошки табуном бегут на кухню. Молочница принесла молоко. Потом китаец - хлебник принес горячий хлеб в круглых хрустящих корзинах.

15.10.99.

Милая Эльзочка! Спасибо. Сегодня пришло Ваше письмо и перевод 500 руб. Спасибо Толику и Оле. Не знаю, когда Аня получит. Я просила купить марлевый бинт для перевязки и печенья. Передайте Фастам мою глубокую благодарность...Читаю Вашу книгу «Русский Харбин» и Ив. Шмелева. Хороший писатель-эмигрант...

20 какое-то

(по конверту 9.11.99.- последнее Адюшино письмо. Пришло уже после ее смерти, вместе с моим письмом к ней, в посланном мною конверте, подписанное уже не Адюшей. Э.З)

Здравствуйте, милая Эльзочка!

Вчера пришел от Вас перевод 200 руб. Спасибо, большое спасибо, но не надо посылать, Вам нужнее. Аня покупает мне кефир, сыр и печенье, но не в коня овес. Мне все хуже и хуже. Слабею, худею. Казалось бы худеть уж некуда - кожа да кости. А теперь наверное кости из кожи полезут. Все болит и чешется...Болит иногда так, что хоть волком вой. Правая парализованная сторона вся болит. Что хорошо, - голода нет. Это благодаря Вам, Толику, Оленьке и Фастам. Я теперь сыта. Кефир и сыр - сытная пища. Кефир у меня почти каждый день. Страдаю от одиночества. И писем нет...Сейчас тяжелое время, про которое в Евангелии сказано: «И остынут сердца и охладеет любовь». Это наверное вызвано ухудшением жизни с материальной стороны. Все очень подорожало, а зарплата не прибавилась. Тут уж не до «несчастненьких». Самим бы прожить. Но вы вот не охладели. А рыба гниет с головы. Сначала портятся столицы, а потом провинция. Мечтаю о больнице св. Ксении Петербургской, но не знаю, что получится.

Читаю старые книги. Перечитываю Ариадну Эфрон «Мироедиха» и Аду Федерольф «Рядом с Алей». Очень хорошая книга, наверное, подаренная Вами. Вот была дружба, как у меня с Нюсей. Но они были почти равноценны, а я не стоила Нюсиного мизинца. Нюся с Арминой Максимовичем меня идеализировали. Единственное, что у меня было, это глубокая преданность их семье. Когда жили на Александровском проезде* в деревянном доме без удобств, я была за домработницу. Я в тот период не работала и вела у Нюси хозяйство. Топила печи, делала уборку, ходила за водой, ухаживала за больной Еленой Яковлевной. Ей и ночью надо было оказывать помощь, и так как я спала крепко и зов не слышала, то она меня привязывала веревкой за ногу и ночью дергала меня. Веревка

протягивалась в ее комнату рядом со столовой, в которой я спала. Я вставала и шла к Елене Яковлевне, садила ее на горшок, чесала спину. У нее был старческий зуд. Как я теперь ее понимаю, но помочь мне некому. Страдаю от зуда больше, чем от боли. А в общем-то одно другого стоит.

Была у меня недавно Таня Смаггина, очень милый человек. Я бывала у них, когда Таня была девочкой и я занимала ее рассказами из придуманной мной истории. Откуда у меня это бралось, сама не знаю, но история была неистощимая. Я и картинки к ней рисовала. Я работала вместе с Таниной мамой ретушером в фотокомбинате и когда Таня болела и не ходила в садик, Галя приводила Таню на работу. Таня садилась рядом с моим станком и просила «Рассказывай!». Я рассказывала, пока история не иссякала. Я просила Таню: «Погуляй в коридоре. Я придумаю дальше!». Через некоторое время Таня приходила: «Ну, придумала?» «Садись, говорю - Придумала» И так целый день. Вот мы с ней и вспоминали былые времена...

P.S. Мне все хуже и хуже. Не удивительно. У стариков, как у собак, год за 10 лет идет.

Вспомнился второй год войны. Я жила в Томске у Нюсиной тети Лиды, которая была женой Нюсиного любимого дяди Вени, брата Елены Яковлевны, получившего, как почти все харбинцы, «10 лет без права переписки», т.е. расстрел. Тетя Лида была очень добрым человеком и подбирала всех «несчастненьких» и, как могла, помогала. На нее «косяком» шли нищие и голодные, а год был голодный. Хлебный паек 400 гр. В магазинах, кроме хлеба с громадными очередями, ничего не было. Я от голода падала в обморок.

Мы жили одной семьей: тетя Лида с дочерью Симушей. У обеих мужья «10 лет без права переписки». К ним примкнули высланные из Ленинграда Муся с дочерью Иликой - Лидой и я. Муся - бабушка Ани, а Лида - мать Ани, с которой я сейчас живу. Симуша и Муся работали в хлебокомбинате и дома хлебный паек не ели. Тетя Лида подкармливала нищих. И вот вечером вечерний «чай». За столом на кухне: тетя Лида, нищая Аня с открытым всегда ртом и язык наружу[2]*. Рядом с Аней юродивый Ванечка в лохмотьях с лохматой головой. Рядом с Ванечкой высланная немка с Поволжья, бывшая курсистка, сохранившая облик: пенснэ со шнурком, когда-то белая блузка с галстуком, черная юбка. И я в валенках и телогрейке. Квартира холодная. Перед каждым стакан с кипятком и маленький прозрачный кусочек хлеба. Я грею руки о стакан кипятка, налитый из кипящего самовара. Пили помногу. Мы тогда говорили: «Ведро воды заменяет килограмм хлеба». Все молчим. Молча «вкушаем чай» . Вдруг открывается дверь и появляется красавец Вячеслав, эвакуированный из Москвы, друг сына тети Лиды - Яши, «загремевшего» по второму разу в НКВД. Вячеслав 5 лет отсидел и готовится ко второму разу. Узелочек с бельем лежит на кухонном сундуке, месте спанья Вячеслава. Он стоит на пороге кухни, смотрит на нашу компанию и изрекает:

« Тысяча чертей на сундук мертвеца, йо-хо-хо и бутылка рому!»... Я, захлебываясь от смеха, давлюсь кипятком и выбегаю в прихожую, где хохочу, уткнувшись в чью-то шубу. Рядом смеется Вячеслав. Хорошо быть молодым. И голод, и холод нипочем. А ведь так проходила молодость. Голод, холод и работа.

Я отвела душу в беседе с Вами.

P.S. Вечер. Аня денег не получила и ничего мне не купила. Некогда, видно. А завтра воскресенье. Почта закрыта.

Я хочу вам описать петербургское новшество, рассказанное мне Любовью Григорьевной. Это на малой Садовой. Вы знаете это место. Елисеевский магазин туда боком выходит. Там сделан теплый тротуар. Бьет фонтан, а на фонтане держится шар. Это очень дорогая затея. Немного нелепо выглядит на фоне всеобщего обнищания.

Так писем ни от кого и нет. Спасибо Вам за письмо. Оно мне согрело душу. Передавайте мою благодарность Филимошкиным. Жду письма от Толи., но видимо ему некогда. Поздравьте его от моего имени, с утверждением почетного звания профессор-доктор. Мне сказала об этом Любовь Григорьевна. Анна Николаевна радуется на том свете. Это ее любимчик. Еще не зная Вас, я от нее всегда слышала «Эльза Стромберг, ... Филимошкин.» Она выговаривала «Филимофкин». Хорошие были времена. Бог меня незаслуженно наградил общением с хорошими людьми. Я ей в подметки не годилась. А она меня любила. Я ее любила больше всех на свете. Теперь у меня остались Вы и Толик. Да спасет вас Бог от всех напастей.

Ваша Адя

И еще люблю Любовь Андреевну* у нас с ней много общего. Я очень ее обидела и этой обиды не прощу себе до смерти. Я должна была сменяться с ней, чтоб сделать ей 2-х комнатную квартиру, а соединилась с Аней. Я очень ее обидела. Она обидчива, как и я. Но она не в убытке. Она сделала себе прекрасную 2-х комнатную квартиру на Петроградской стороне, на Каменноостровском пр. Но там потеряла свою любовь - Гердика[4]*. Попал под машину. Мне кажется, это горе и привело меня к инсульту. Я плакала за нее, за Гердика, и за себя. Но на все воля Божия. Когда сможете, напишите мне. Письма - моя единственная радость. Оле моя глубокая благодарность.

Ваша Адя.

Примечания:

1*Александровский проезд - от пр. Фрунзе, 67 до Герцена, 54.

2 *Когда я прочла Боре про нищенку Аню, он вдруг вздрогнул и сказал, я ее помню! Да-да, всегда с открытым ртом и высунутым языком, с сумкой из-под противогаза на боку, куда она вкладывала корочки. Она приходила за подаянием, а мама или бабушка давали мне хлеба, чтоб я передал ей выйдя на крыльцо. Сначала я ее боялся, потом привык. Это был наверное 45 - 46 год, так более ранние годы я бы не помнил.

3*. Любовь Андреевна Зражевская в память об Ар.Ник издала за свой счет красочно оформленную книгу «Сказки бабушки Ариадны» и подарила Фастам, Толе и мне.

4* Любина собачка, которую она, уезжая в командировки,

Часть 3.

Новосибирск, 16-18 апреля 2008 (пишу 19.04 - за окном снег!)

(Отрывок о Харбинцах) из более полных воспоминаний о поездке в Новосибирск)

Итак, еще один Новосибирск- какой же нынче гранью сверкнул он мне?
Непосредственный повод - вечер, посвященный ХАРБИНЦАМ, (более узко - посвященный редакторам газеты «На сопках Маньчжурии», который Юля устраивала в библиотеке НГУ (круглый стол - узкий круг друзей - на сей раз гораздо шире!). Но

яконечно замышляла и посещение институтов, и встречу с друзьями. Но главное - надо было рассказать об Анне Николаевне Кожевниковой (моей учительнице английского языка и ее верной подруге всей жизни - Адюше - Ариадне Николаевне Докукиной) - обе харбинки. К счастью, у меня уже были напечатаны 2 материала: «Уроки жизни Анны Николаевны» - в 2005 г - 25 января мы вспоминали ее день рождения - и выдержки из писем Адюши, которые она писала мне в период ее болезней и старости -в 90-е годы до самой смерти на 81 году -30 окт/1999 г . Она очень любила томских друзей А.Н., которые будучи в Питере всегда заезжали , а то и останавливались в ее малюсенькой комнатке в коммунальной квартире (моя Оля в т.ч.), и после смерти Адюши я для Оли напечатала 12 стр. из примерно 15 ее писем -радостных, горестных, ностальгических, пронзительно правдивых и мужественных.

Хотя предполагалось выступление только харбинцев, Юля включила меня в программу (ведь я приехала специально и логически завершала круг воспоминаний), и я волновалась, уточняла даты жизни А.Н., листала книгу «Повседневная жизнь русского Китая», за 2 дня в телефонных разговорах с друзьями нашла томских харбинцев! (О них - отдельный рассказ - так как каждая жизнь связана с трагическими моментами.Например, Юра Усов не знает, как бы сложилась его жизнь - и вообще сложилась бы - так как его маму - вернувшуюся в 1935 г харбинку, в 37 г с трехмесячным Юрой арестовали и несколько ночей допрашивали, пока, устав от криков дитяти или без причины, следователь не шепнул солдату, чтоб тот их вывел потихоньку и отпустил домой).

И вот мы вокруг стола, на котором лежат все 140 (!) номеров газеты «На сопках Маньчжурии», которые вот уже 15 лет выпускает фактически один человек-подвижник бывший харбинец, Петренко Анатолий Георгиевич, химик по профессии! А сохранила их все - Ольга Павловна Фролова. Это ее японский император наградил «Орденом восходящей звезды...» за подготовку филологов - японистов. На вечере выступали многие харбинцы, но, конечно, «исхода 54-55 годов», которым уже по 70 и более лет (приехавшие в 30 годы или уже очень старые, или умерли, или были истреблены) - и священник о. Павел Патрин, и бывшая жена Петренко (сам он со сломанной ногой лежал в больнице), которая рассказала (с фото на экране) о большой семье Петренко (вообще тема семьи - ее устоев - была связующей нитью всех рассказов), и седовласый организатор ассоциации «Харбин» - В.И. Мишин, и О.П. Фролова, и моя сокурсница, Ирочка Попова и др. Их бабушек-дедушек занесло в Китай разными ветрами, но все они воспитывались в атмосфере семейной любви, впитывали русскую культуру, сохранившуюся каким-то чудом в чужой стране, как растеньице на каменистой почве, несли такую любовь к Родине, что двинулись при первой возможности в гулаговскую Россию в 30-е годы и «на целину» - в совхозы-деревни в послевоенные 50-е годы. Всех харбинцев отличает старорусская интеллигентность, прекрасный русский язык, воспитанность, даже внешний вид! На вечере звучала музыка - неповторимый Вертинский, стихи харбинских поэтов - чураевцев (Перелешин: «...Все звезды повидав чужие И этих звезд не возлюбя, -Мы обрели тебя, Россия, Мы обрели самих себя...»). Разносился аромат ЛИЛИИ из букетов. Юля, как всегда, подготовила буклетик, в который «входишь», как в воротца, а там столько символов и смыслов, что долго с интересом рассматриваешь и размышляешь. Например, почему так много ЛИЛИИ? Почему на «дверцах» в свадебных нарядах дед и бабушка А.Г. Петренко? Читаем: снято во время свадьбы в Свято-Николаевском соборе 1907 г, Харбин. Открываем «дверцы» - а там и сам Свято-Николаевский кафедральный собор, построенный в 1899 г. А Харбин начал строиться в 1898 г! (Я повезу буклетик в Швецию и вспомню все и всех!).